

Снисаренко С. О., Айрапетян Э. М., Хашковский А. В.

Специфика цифровых социальных коммуникаций мигрантов и диаспоры (на примере глобального армянского сообщества)

Snisarenko S. O., Hayrapetyan E. M., Khashkovsky A. V. Digital Social Communications of Migrants and Diaspora on the Example of the Global Armenian Community

Социокультурный анализ миграционного поведения, социально-экономические и политические исследования диаспоры и изучение социальных коммуникаций как основы построения социальных сетей мигрантов формируют целостное представление о содержании совершаемого выбора. Социально-коммуникационные исследования сосредоточены на передаче знаний и построении устойчивых доверительных отношений. По итогам анализа уровня образования мигрантов и интервью с армянскими мигрантами о роли сети родственных и дружественных отношений сделаны выводы о значимости сетевых взаимодействий и коммуникаций, основанных на доверии, которые опираются на мотивы принятия решения о миграции. В контексте экономики знаний образовательный уровень человеческого капитала играет ключевую роль для конкурентных преимуществ бизнеса и региона. Инновационный экономический рост требует построения эффективных отношений, которые в условиях социальной изоляции и развития цифровых контактов получили новые инструменты расширения. Глобальные цифровые социальные коммуникации позволяют поддерживать насыщенность и интенсивность контактов, включая обмен информацией и поддержание этнической культурной идентичности независимо от места расположения.

Sociocultural analysis of migratory behavior, socio-economic and political studies of the Diaspora and the study of social communications as the basis for building social networks of migrants form a holistic view of the content of the migration choice being made. Social communication research focuses on knowledge transfer and building sustainable trusting relationships. Based on the analysis of the level of education of migrants and interviews with Armenian migrants on the role of the network of family and friendly relations, conclusions are drawn about the importance of network interactions and communications based on trust, which are based on the motives for making a decision to migrate. In the context of the knowledge economy, the educational level of human capital plays a key role for the competitive advantages of business and the region, innovative economic growth requires building effective relationships, which, in the context of social isolation and the development of digital contacts, have received new tools for expansion. Global digital social communications make it possible to maintain a richness and intensity of contacts, including the exchange of information and the maintenance of an ethnic cultural identity, regardless of location.

Снисаренко Светлана Олеговна — доцент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, доцент.

Айрапетян Эдгар Мурадович — главный специалист Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, магистр публичного управления.

Хашковский Алексей Васильевич — доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат политических наук, доцент.

© Снисаренко С. О., Айрапетян Э. М., Хашковский А. В., 2021

Ключевые слова: человеческий капитал, цифровая миграция, интеллектуальная миграция, сетевизация, цифровизация, диаспора.

Keywords: human capital, digital migration, intellectual migration, networking, digitalization, diaspora.

Социокультурные исследования сосредоточены на сложной совокупности социальных отношений. Социальные, этнические, религиозные, семейные и родовые, социально-экономические и политические отношения переплетены плотным узлом в миграционных процессах. Взаимоотношения диаспоры составляют предмет социокультурного анализа, сетевых исследований, социального управления. Диаспора может рассматриваться как институт социальной интеграции, играющий особую роль в миграционных процессах, адаптации мигрантов, формировании социального капитала мигранта наряду с семейными связями. Социальная изоляция ввиду пандемии обострила интерес к изучению коммуникационных процессов в цифровой среде, в том числе к специфическим изменениям этнических групп.

В настоящей статье нами рассмотрен социально-коммуникационный подход к изучению отношений диаспор между собой и с местными обществами. В период до пандемии отношения диаспоры с исходным и принимающим обществом, с прибывающими мигрантами строились прежде всего на основе личных контактов, включая семейно-родственные и дружеские связи. Интернет ускорил коммуникации и одновременно существенно сократил уровень доверия. Условия социальной изоляции вынудили перенести большую часть контактов в сеть, в первую очередь в социальные сети. С учетом этого особый интерес представляет исследование цифровых социальных коммуникаций между диаспорой и мигрантами, потенциальными и состоявшимися, до и после переезда.

В экономико-управленческом анализе нередко рассматривают глобальные и локальные стратегии корпоративного развития. Это дает возможность сделать предположение о том, что в условиях пандемии транснациональная социологическая концепция изучения диаспоры как глобального явления может быть продуктивной объяснительной концепцией. В статье нами представлен теоретический анализ понятия диаспоры, подходы к социологическому и институциональному анализу диаспоры, выдвинуты гипотезы о ее роли и о роли соответствующих взаимоотношений при социальной интеграции мигрантов. Приведены некоторые результаты эмпирического исследования адаптации армянских мигрантов в Российской Федерации (РФ).

Вопросы переезда изучались еще древними греками, которые описывали возможности достижения более высокого социального положения в других местах, кроме места своего происхождения («Когда же я приеду к мидянам, то и здесь, став лучшим среди искусных наездников...» [1, с. 14]). Тем не менее принято считать, что первым социологическим исследованием миграции стала работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», в которой авторами описано социальное поведение как способ «развивающейся адаптации» человека к среде на основе «нервной системы» [2, с. 741]. Столкновение с инакостью опирается на представления об отраженном (зеркальном) Я (*self*) [3, р. 184], о жизненном мире [4], концепции культурного изменения [5; 6], культурном шоке [7], социальной регуляции [8; 9; 10]. Для понимания поиска общности в рамках жизнедеятельности мигрантов и взаимоотношений с диаспорой важно и понимание концепции дома, о котором справедливо пишет А. Шюц (или Шютц в некоторых переводах) [11]. Поэт утверждает: «Дом — это то, откуда начинается человек» [12]. У юриста утверждение такое: «Дом — это место, куда человек собирается вернуться, если он вне его» [13, р. 126].

Изначально диаспора определялась как совокупность людей одной общей этнической принадлежности, покинувших исходное национальное государство и длительно или постоянно проживающих и интегрированных в обществе другого государства, включая их детей [14; 15; 16; 17]. Диаспора представляет собой «не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности» [18, с. 61]. Следует отметить, что этническая принадлежность характеризуется как заданная «биологическим» происхождением от одного или двух родителей с определенной этнической принадлежностью.

Можно рассматривать диаспору как сообщество, в большей или меньшей степени организованное. Степень организованности, институционализации диаспоры в некоторых исследованиях доходит до почти формальной корпорации, «официально оформленной организации с взаимными обязательствами и оформленным членством,... под диаспорой стихийно понимается нечто вроде сословия» [18, с. 61].

Диаспору можно трактовать как «особый тип человеческих взаимоотношений, специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик, основанных на общности исхода с “исторической родины” (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни “в рассеянии” — в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе» [19, с. 127]. Диаспора формируется в рамках социальных функций: если действие диаспоры как системы отношений обусловлено потребностью сообщества или социальной категории людей (в частности, для целей нашего исследования — трудовых мигрантов), то этническое меньшинство в принимающем обществе образует диаспору. В противном случае даже значительное число выходцев из одной страны не создаст в другом государстве социальную сеть, которую можно признать диаспорой.

М. Рейс делит формирование диаспоры, в том числе классической и современной (или постклассической), на три основных исторических периода [20]. Был проведен ряд исследований элементов идентичности [21], являющихся определяющими для национальной принадлежности.

Рассматривая различные проявления поведения представителей диаспоры, Г. Шеффер делит диаспору на следующие категории: «ядро», «маргинальные члены» и «дремлющие» [22]. «Ядро» диаспоры составляют личности, которые имеют четко определенную («безупречную») национальную идентичность, могут существовать как отдельно организованная община, независимо от всех процессов (современности, глобализации и др.), тесно объединены и, следовательно, устойчивы к ассимиляции. «Маргинальные» члены имеют этническую идентичность, но преднамеренно не отождествляют себя с общиной диаспоры. В принимающем обществе полностью интегрированных и ассимилированных лиц условно называют «дремлющими», считать их диаспорой проблематично [22]. Идентичность членов диаспоры, потерявших позицию диаспоры и отталкивающих родину, называют «символической» [23].

Исследования коснулись также различий между идентичностью, характерной для диаспоры и мигрантов: в теории распространено мнение, что между членами диаспоры и родиной (страной происхождения) существует культурная, языковая, религиозная, историческая и эмоциональная связь, в то время как статус мигрантов предполагает ассимиляцию в принимающей стране, принятие новых обычаев, получение гражданства, изучение языка принимающей страны и т. д. Однако мигранты находятся в конфликте (иногда взаимно) как с родиной, так и с принимающим обществом и диаспорой, отказываясь вступать в существующие

структуры диаспоры или создавать собственные организации [24]. Отметим, что исторически миграционные потоки оказывают определенное влияние на диаспору [25, р. 6; 26], а диаспора, в свою очередь, влияет на идентичность мигрантов. Принято считать, что основной целью эмиграции мигрантов с родины и утверждения в принимающей стране является материальное благополучие. Вместе с тем потребность в духовных, культурных и эмоциональных ценностях вынуждает цепляться за родину. Когда миграция с родины воспринимается как краткосрочное явление, а возвращение постоянно, в личности мигрант трансформируется в члена диаспоры [24].

Тем не менее идентичность диаспоры — это не только результат решения. По словам армяно-американского исследователя диаспоры Х. Тололяна, позицию диаспоры принимает меньшинство, которого политические и культурные деятели считают диаспорой [27]. Ее формирование и существование обусловлено сознательными и организованными усилиями культурной, социальной и политической элиты, которые носят продолжительный характер и передаются из поколения в поколение. Между тем отсутствие усилий, направленных на выживание диаспоры, ведет к ассимиляции [28] в принимающем обществе. Недостаточно внятное восприятие родины и институционально-организационный дефицит. Диаспора становится лишь виртуальным явлением, лишенным влияния на международные и государственные системы [26].

Сторонники конструктивистского подхода не считают, что образование диаспоры происходит естественным образом, «автоматически», в результате миграции. По мнению представителей конструктивизма, диаспора формируется посредством направленной мобилизации идей (*discourse*): это «социальное сооружение (*social construction*) посредством манипуляции элитой и политической мобилизации». Согласно точке зрения исследователей [29], диаспора служит результатом транснациональной политической активности по стратегическому построению социальной идентичности.

Обобщая разные подходы, можно определить диаспору как общность членов этнической группы, проживающей за пределами родины, или транснациональную идеологическую общину (*transnational imagined community*) и одновременно элитарную политическую программу, которая со временем реализуется посредством транснациональной мобилизации. Так, численность только десяти наиболее крупных армянских диаспор составляют в полтора раза больше населения Армении [30, с. 34].

Идеология и национальная идентичность служат связующим звеном среди общин и общинных различий между межнациональными сетями [28]. На первый взгляд, очевидно, что предметом беспокойства диаспоры являются не всеобщие, а частные проблемы, первостепенная движущая сила-идентичность, а не политическое убеждение. Речь идет о транснациональном проявлении национализма, который исторически был сильным стимулом для внутренних взаимоотношений, политической ориентации диаспоры, а также экономической стратегии [26].

Б. Андерсон называет это «дистанционным национализмом» (*long distance nationalism*) [31]: член диаспоры, как правило, не платит налоги на родине, где вместе с тем проводит политику, умеет избегать подотчетности [32; 33], вероятно, не участвует в выборах в исходном обществе, поскольку является гражданином другой (принимающей) страны. Ни он, ни члены его семьи не имеют причин бояться правовых последствий, вытекающих из их действий на территории исходной страны. Более того, благополучный и обеспеченный представитель диаспоры, живущий в экономически развитой стране, осознавая, что, возможно, никогда не вернется на родину, может направить средства и механизмы комму-

никации, которые могут вызвать непредсказуемые последствия [26]. В отличие от деятельности защитников прав человека или других глобальных активистов, транснациональный национализм не ограничивается определенным периодом или обсуждением одной проблемы. В контексте современности диаспора воспринимается как идеологическая категория не частных, а общечеловеческих ценностей. Цель диаспоры — достижение не частных, а всеобщих прав, при этом нет отказа от национальной идентичности. В центре внимания — права человека, расовая дискриминация, деколонизация и т. д. [34].

Таким образом, вопросы взаимоотношений, выстраиваемых диаспорой, включают в себя и социально-экономические, и социально-политические проблемные зоны, которым следует уделить внимание с точки зрения организационно-управленческого и институционального анализа. Диаспору можно рассматривать как сетевую форму построения общественных взаимоотношений между потенциальными и состоявшимися мигрантами с учетом социальных технологий коммуникаций и стимулирования выбора, совершаемого потенциальными и состоявшимися мигрантами в пользу направления переезда [35] и расширения присутствия в социально-экономическом пространстве [36].

Наконец, значимый аспект социально-коммуникационного изучения диаспоры и ее взаимоотношений с исходным и принимающим обществом — социокультурный анализ, сосредоточенный на процессах инкультурации. Понятие инкультурации отражает усвоение смыслов, «освоение миропонимания и поведения, которые присущи носителям данной культуры» [37, с. 173]. Освоение культуры включает в себя различные содержательные компоненты. Это для мигранта прежде всего отношения с исходной этнической культурой и культурой принимающего общества [38; 39]. Инкультурация особенно заметна при различии языка и религии, но такой процесс имеет место и при миграции внутри страны [40; 41; 42].

В условиях экономики знаний особенно интересна миграция как способ повысить эффективность инвестирования в человеческий капитал [43]: выделяют образовательную миграцию (перемещение молодых людей в целях повышения образования, получения более качественного обучения) и интеллектуальную миграцию (или «утечку умов») [44; 45], что способствует повышению благосостояния принимающих регионов [46]. В этом смысле интересна статистика об уровне образования иммигрантов, въезжающих в Россию из различных стран. На основе данных Росстата можно определить категории стран с различным исходным уровнем образования въезжающих в Россию мигрантов. В таблице 1 представлена численность человек, в таблице 2 — доля от прибывших и указавших уровень образования.

Данные приведены в абсолютном и относительном выражении, поскольку в ряде случаев слишком мало иммигрантов указали уровень образования. Например, из 1 582 человек, въехавших в 2019 г. в Россию из КНДР, лишь четверо указали уровень образования (т. е. 0,3 % прибывших), из них половина (двое) имеют высшее профессиональное образование. Аналогичные особенности данных типичны для Китая и Индии, данные об уровне образования иммигрантов из этих стран также не указаны (99,7 % и 99,8 %).

С учетом этого обстоятельства можно сгруппировать страны не только по признаку принадлежности к СНГ, но и по доле мигрантов с высшим образованием. Так, страны, из которых более половины мигрантов, прибывших в Россию, имеют высшее образование (при этом их более двух человек), включают в себя Великобританию, Канаду, Норвегию, США, Францию, т. е. пять стран Западной Европы и Северной Америки. Между четвертью и половиной — страны бывшего СССР (Беларусь и Украина, Казахстан), Европы (Германия, Израиль, Италия,

Таблица 1

Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и странам выхода в РФ в 2019 г., чел.

	Кол-во прибывших в Россию в возрасте 14 лет и старше	Высшее профессиональное (высшее)	Из них: доктора наук	Из них: кандидаты наук	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное (среднее специальное)	Начальное профессиональное	Среднее общее (полное)	Основное общее (среднее общее неполное)	Начальное общее (начальное) и не имеющие образования	Уровень образования не указан
Международная миграция	642 361	42 041	77	181	9 400	56 705	4 545	25 970	9 456	3 205	491 039
в том числе из стран СНГ	562 696	39 654	67	165	8 977	54 408	4 371	24 494	9 050	3 074	418 668
Азербайджан	32 166	732	4	6	240	1 586	151	1 491	472	160	27 334
Армения	66 060	1 944	8	13	479	3 245	271	2 196	666	213	57 046
Беларусь	17 330	1 158	3	6	172	942	70	265	78	27	14 618
Казахстан	76 184	7 437	13	26	1 777	7 999	558	2 594	1 180	425	54 214
Киргизия	49 921	1 220	3	9	290	1 863	197	1 503	573	182	44 093
Молдова	24 158	2 319	3	9	727	4 074	341	1 796	560	156	14 185
Таджикистан	81 066	2 548	6	17	631	4 341	558	5 345	1 957	655	65 031
Туркменистан	14 129	358	—	1	93	462	33	247	97	32	12 807
Узбекистан	57 001	2 100	2	9	618	4 010	305	1 773	722	196	47 277
Украина	144 681	19 838	25	69	3 950	25 886	1 887	7 284	2 745	1 028	82 063
из других стран	79 665	2 387	10	16	423	2 297	174	1 476	406	131	72 371
Великобритания	268	16	—	—	1	6	—	6	—	—	239
Вьетнам	6 264	20	—	—	13	22	4	17	8	—	6 180
Германия	2 348	468	3	1	62	582	38	193	64	24	917
Греция	261	15	—	—	5	16	—	14	3	—	208
Грузия	6 657	347	2	2	77	509	46	532	148	35	4 963
Израиль	617	64	—	1	8	49	4	25	8	1	458
Индия	9 554	16	—	1	—	2	—	—	—	—	9 536
Иран	355	8	—	1	2	7	—	2	—	—	336
Италия	369	16	—	—	4	8	—	1	3	4	333
Канада	138	36	—	—	2	8	—	2	1	—	89
Китай	15 070	15	—	1	2	8	—	14	3	—	15 028
КНДР	1 582	2	—	1	—	—	—	1	1	—	1 578
Норвегия	34	10	—	—	—	1	—	1	—	1	21
США	619	90	—	—	11	39	1	25	6	1	446
Турция	2 138	83	—	—	18	46	2	40	8	1	1 940
Финляндия	171	60	—	—	3	40	2	13	3	3	47
Франция	261	27	—	—	3	5	1	3	2	2	218
Швеция	38	7	—	1	1	3	—	4	—	—	23
Япония	210	4	—	—	—	2	—	—	2	—	202

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ [47].

Таблица 2

Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и странам выхода в РФ в 2019 г., %

	Высшее профессиональное (высшее)	Из них доктора наук	Из них кандидаты наук	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное (среднее специальное)	Начальное профессиональное	Среднее общее (полное)	Основное общее (среднее общее неполное)	Начальное общее (начальное) и не имеющие образования	Уровень образования не указан
Миграция в РФ	27,8	0,1	0,1	6,2	37,5	3,0	17,2	6,2	2,1	76,4
в том числе из СНГ	27,5	0,0	0,1	6,2	37,8	3,0	17,0	6,3	2,1	74,4
Азербайджан	15,1	0,1	0,1	5,0	32,8	3,1	30,9	9,8	3,3	85,0
Армения	21,6	0,1	0,1	5,3	36,0	3,0	24,4	7,4	2,4	86,4
Беларусь	42,7	0,1	0,2	6,3	34,7	2,6	9,8	2,9	1,0	84,4
Казахстан	33,9	0,1	0,1	8,1	36,4	2,5	11,8	5,4	1,9	71,2
Киргизия	20,9	0,1	0,2	5,0	32,0	3,4	25,8	9,8	3,1	88,3
Молдова	23,3	0,0	0,1	7,3	40,9	3,4	18,0	5,6	1,6	58,7
Таджикистан	15,9	0,0	0,1	3,9	27,1	3,5	33,3	12,2	4,1	80,2
Туркменистан	27,1	0,0	0,1	7,0	34,9	2,5	18,7	7,3	2,4	90,6
Узбекистан	21,6	0,0	0,1	6,4	41,2	3,1	18,2	7,4	2,0	82,9
Украина	31,7	0,0	0,1	6,3	41,3	3,0	11,6	4,4	1,6	56,7
из других стран	32,7	0,1	0,2	5,8	31,5	2,4	20,2	5,6	1,8	90,8
Австралия	50,0	0,0	0,0	5,6	27,8	0,0	13,9	2,8	0,0	59,1
Великобритания	55,2	0,0	0,0	3,4	20,7	0,0	20,7	0,0	0,0	89,2
Вьетнам	23,8	0,0	0,0	15,5	26,2	4,8	20,2	9,5	0,0	98,7
Германия	32,7	0,2	0,1	4,3	40,7	2,7	13,5	4,5	1,7	39,1
Греция	28,3	0,0	0,0	9,4	30,2	0,0	26,4	5,7	0,0	79,7
Грузия	20,5	0,1	0,1	4,5	30,0	2,7	31,4	8,7	2,1	74,6
Израиль	40,3	0,0	0,6	5,0	30,8	2,5	15,7	5,0	0,6	74,2
Индия	88,9	0,0	5,6	0,0	11,1	0,0	0,0	0,0	0,0	99,8
Иран	42,1	0,0	5,3	10,5	36,8	0,0	10,5	0,0	0,0	94,6
Италия	44,4	0,0	0,0	11,1	22,2	0,0	2,8	8,3	11,1	90,2
Канада	73,5	0,0	0,0	4,1	16,3	0,0	4,1	2,0	0,0	64,5
Китай	35,7	0,0	2,4	4,8	19,0	0,0	33,3	7,1	0,0	99,7
КНДР	50,0	0,0	25,0	0,0	0,0	0,0	25,0	25,0	0,0	99,7
Норвегия	76,9	0,0	0,0	0,0	7,7	0,0	7,7	0,0	7,7	61,8
США	52,0	0,0	0,0	6,4	22,5	0,6	14,5	3,5	0,6	72,1
Турция	41,9	0,0	0,0	9,1	23,2	1,0	20,2	4,0	0,5	90,7
Финляндия	48,4	0,0	0,0	2,4	32,3	1,6	10,5	2,4	2,4	27,5
Франция	62,8	0,0	0,0	7,0	11,6	2,3	7,0	4,7	4,7	83,5
Швеция	46,7	0,0	6,7	6,7	20,0	0,0	26,7	0,0	0,0	60,5
Япония	50,0	0,0	0,0	0,0	25,0	0,0	0,0	25,0	0,0	96,2

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ [47].

Швеция, Финляндия), Турция, Иран, Япония и Австралия. В указанную группу могла бы войти Индия, но лишь 0,2 % сообщили о своем уровне образования. При этом 16 человек указали высшее образование и один человек — ученую степень кандидата наук. Если убрать корректировку и рассчитать долю не от указавших уровень образования, а от полного числа мигрантов из каждой страны, то становится очевидным, что такие страны, как Индия, Китай, Вьетнам, КНДР, Турция, Иран и даже Италия (90,2 % мигрантов не указали уровень образования), не могут быть четко отнесены к той или иной группе, несмотря на значительное число прибывших из них в РФ мигрантов.

Для уточнения группировки рассчитана средняя оценка (от 1 до 9 баллов, в которой 1 — начальное общее или отсутствие образования, 7 — высшее образование, 9 — ученая степень доктора наук). Такая оценка требует и сопоставления с общими количественными данными: наивысшая оценка получена по Индии (из 9 554 человек указали уровень образования 18 человек, из них высшее образование — 16 человек, включая одного кандидата наук, и два человека — среднее профессиональное или среднее специальное). Эта оценка, таким образом, показывает, скорее, уважение к высшему образованию [48]. Вместе с тем люди, не имеющие его, не указывают своего уровня образования.

Приведенная оценка позволяет также уточнить группировку и подтвердить, что наиболее низкие показатели уровня образования наблюдаются у мигрантов из Таджикистана (4,138 балла), Азербайджана (4,296) и Грузии (4,475), а в группе с наибольшей долей мигрантов с высшим образованием входят Канада (6,367), Норвегия (6,077), Швеция (6,000) и Финляндия (5,597), Великобритания (5,724) и США (5,682), Франция (5,837), Беларусь (5,598), т. е. страны Северной Америки (Канада и США) и Скандинавии (Норвегия, Швеция, Финляндия). При этом две страны — франкоязычные (Канада и Франция), две — англосаксонские (США и Великобритания). Армения не выделяется по уровню образования среди других стран СНГ и из группы стран, менее четверти мигрантов из которых имеют высшее образование, но занимает четвертое место по абсолютному числу мигрантов с ученой степенью кандидата или доктора наук: 94 человека с ученой степенью приехали из Украины, 39 — из Казахстана, 23 — из Таджикистана и 21 — из Армении, 26 человек — из остальных стран.

В целом изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что Россия является, с одной стороны, местом спонтанного притяжения для мигрантов с высоким уровнем образования из стран СНГ, с другой — местом организационно-управленческих мер привлечения высококвалифицированных специалистов из западноевропейских стран и Северной Америки [49; 50]. С точки зрения спонтанного притяжения, любопытно, что по четыре человека с ученой степенью прибыли из Грузии, а также из Германии, единственной страны вне постсоветского пространства, из которой более одного человека с ученой степенью прибыли в 2019 г. в Россию. Хотя данные за год и не отражают всех миграционных процессов, они интересны для понимания значимости постсоветских исторических, социально-политических, социокультурных [51; 52; 53], социально-экономических [54; 55] и интеллектуальных связей [56; 57].

Говоря о выборе страны назначения армянскими мигрантами, необходимо уделить особое внимание существующим социальным сетям. Миграция из Армении не происходит спонтанно, т. е. уезжающие на заработки или постоянное место жительства имеют четкое представление о стране назначения.

Данные эмпирического исследования свидетельствуют о том, что большинство мигрантов при принятии решения о выборе страны назначения руководствовались наличием подобных сетей. Исследование проводилось методом глубинного фоку-

сированного интервью в рамках армянской диаспоры на территории Вологодской области РФ, представляющей собой типичное принимающее общество, для которого характерны российская социокультурная среда и социальная структура, система ценностей, установок и правил поведения. Диаспора на территории Вологодской области сконцентрирована в двух крупных городах — Вологде, административном и культурном центре области, и Череповце, промышленном центре региона. Оба армянских сообщества структурированы, идентифицируют себя как диаспора, имеют организационные структуры, что позволило им осуществлять связь с Министерством диаспоры Армении. В интервьюировании приняли участие 27 человек. Отбор респондентов осуществлялся методом снежного кома.

Интервью показали, что в целом влияние социальных сетей положительно и способствует более эффективной интеграции мигрантов в принимающем сообществе, в том числе с помощью диаспоры. Можно привести два примера из расшифровки записей интервью:

1. Атом, 50 лет, строительная фирма, Вологда: *«В Россию первый раз приехал на зарубежные заработки в 1993 г., несколько лет поработал, вернулся назад. Но почувствовал, что лучше переехать в Россию. Сначала я один приехал сюда, потом через некоторое время привел сюда на постоянное жительство и свою семью. В других регионах и городах России не был, только приезжал в Вологду. Тогда тут много было моих односельчан, родственников, которые со времен Советского Союза (1970–1980) приезжали на зарубежные заработки, и пришел к ним. Каждый тут занимался разными делами, кто как. Мой зять работал в местном колхозе и для меня работу нашел, потом работал с другими. Постепенно начал создавать собственную фирму, звал ко мне работать своих односельчан, знакомых. Я работаю в сфере строительства, в основном в сельскохозяйственной области».*

2. Грачик, 58 лет, сезонный работник, Вологда: *«В Вологде я уже три месяца. Сюда приехал, чтоб заработать. В Армении не было работы. Приехал один. Я был водителем, механизатором. В Армении работал крановщиком. Тут работаю в строительной сфере. По знакомству прибыл сюда. С 1993 г. езжу на зарубежные заработки. Я был в разных городах — в Москве, Подмоскowie, Кирове, Рязани. Там тоже был простым рабочим. Моя воля: сегодня тут работаю, завтра — в другом месте. Особо разницы нет, важно, чтоб зарплата была хорошей. Я три года работал в Подмоскowie, в Ногинском районе, и мне не заплатили армяне. И больше не хочу возвращаться туда. За три года должны 60 тыс. руб., но до сих пор ничего не заплатили».*

Миграционные сети, в первую очередь выступая в качестве транснациональных межличностных связей, объединяют мигрантов в принимающих странах через родственные связи, дружбу, взаимные обязательства, вытекающие из совместного сообщества происхождения. В то же время сети — это формальные или институциональные связи, посредством которых происходит передача информации и взаимопомощь, которые появляются в установленных иммигрантами общинах за рубежом для удовлетворения потребностей своих членов, а также их родственников и знакомых в местах происхождения. На всех этапах трудовой миграции структура социальных отношений формирует информацию и первоначальную поддержку мигранта. Об этом свидетельствует следующий фрагмент интервью.

Алексан, 55 лет, ювелир, Сокол: *«Более 35 лет работал в сфере радио и телевидения (на нескольких телеканалах) — инженером, оператором, режиссером. Одним словом, жизнь моя прошла в сфере телевидения. Сейчас в Армении у меня есть возможность работать в этой сфере, только зарплата очень низ-*

кая и не удовлетворяет минимальные потребности моей семьи. В декабре 2017 г. я сначала приехал в Москву и пытался найти работу в сфере телевидения. Там жил у своих близких, друзей, которые занимаются разными делами: кто-то работает в розничной торговле, кто-то — водителем. Обратился на телевидение. На многих телеканалах с точки зрения профессиональных навыков и качеств были согласны взять меня на работу, но так как я не гражданин РФ, были какие-то трудности. В Сокол я прибыл, потому что мой двоюродный брат находится тут и занимается своим бизнесом».

Каждый мигрант анализирует возможные направления и выбирает наилучшую комбинацию: уровень заработной платы, безопасность работы и стоимость проезда, одновременно использует для этого имеющиеся в наличии структурные возможности [58]. В качестве таких возможностей выступают информационная, финансовая, иная помощь родственников и близких, уже работающих за границей. Миграционные сети выполняют важную роль установления соответствия между спросом и предложением рабочей силы. В ходе личной коммуникации передается информация, не циркулирующая по публичным каналам. Приведем в качестве примера следующее сообщение.

Арапат, 41 год, строительная фирма, Череповец: *«У меня тут собственная строительная фирма, многие из моих родственников живут и работают у меня. И не только родственники, но и односельчане, друзья, знакомые приезжают ко мне работать».*

Особое внимание следует уделить тому обстоятельству, что, помимо предоставления предварительной информации о стране назначения, оказания содействия на начальном этапе, миграционные сети выступают как своеобразный гарант безопасности, укрепленный в атмосфере многолетнего доверия [59]. Л. Саастад (1962) [60] рассматривает международную миграцию как селективный процесс: отток «вытягивает» людей с определенными социально-демографическими и личными особенностями характеристик, часть из которых не всегда может быть формализована. Например, компетентность выражается не только в квалификационных документах (дипломе, разряде и т. д.), но в большой мере отражает персональные качества мотивации, вовлеченности, интереса, интуиции, творческого подхода и др. Социальные коммуникации потенциальных (планирующих переезд) и состоявшихся мигрантов, благополучно интегрированных в социопрофессиональную и экономическую среду принимающего общества, одновременно сохранивших компоненты культурной идентификации, общие с исходным обществом.

В условиях цифровой среды и инновационной экономики знаний доверие и персональные качества, отражающие значимые черты человеческого капитала и неформализуемый уровень компетентности, приобретают особое значение. Цифровизация предполагает возможности формализовать значительную часть характеристик и процессов, но существенную роль играет накопленный багаж опыта за долгосрочный период совместных действий, позволяющих судить о качествах, которые могут служить решающим фактором для эффективного взаимодействия с принимающим обществом. Глобальная сеть Интернет способствует снижению транзакционных издержек, сокращению затрат времени и финансовых ресурсов на коммуникации, что повышает сравнительную важность нематериальных компонентов коммуникации, социокультурных мотивов и интересов интеграции. В результате возрастает потребность в исследовании цифровых коммуникаций не с технологической или финансово-экономической точки зрения (например, оценка цены на рынке труда), но прежде всего с социологической и социокультурной позиции изучения этнокультурной роли диаспоры [61].

Социологический анализ цифровых каналов социальных коммуникаций диаспоры и мигрантов включает в себя не только географическую близость стран, историческую и социально-экономическую общность постсоветского пространства, но и усиливает символическую, содержательную сторону единства, общности мигрантов, что, в свою очередь, усиливает идеологическую роль диаспоры.

Литература

1. *Ксенофонт*. Киропедия / пер. и коммент. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. М.: Наука, 1976. 334 с.
2. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. New York: Dover Publications, 1958. 2250 p.
3. *Cooley C. H.* Human Nature and the Social Order. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 460 p.
4. *Schütz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Einleitung in der verstehende Soziologie. Wien: Springer, 1932. 286 s.
5. *Malinowski B.* The Dynamics of Culture Change An Inquiry into Race Relations in Africa. London: New Haven: Yale University Press, H. Milford, Oxford University Press, 1945. 171 p.
6. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
7. *Oberg K.* Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. No. 7. P. 177–182.
8. *Покровская Н. Н.* Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 3. С. 100–110.
9. *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
10. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
11. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. А. Я. Алхасов, Н. Я. Мазлумянова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
12. *Eliot T. S.* Four Quartets. New York: Harcourt (US), 1943. 40 p.
13. *Beale J. H.* A Treatise on the Conflict of Laws. New York: Baker, Voorhis & Co., 1935. 2127 p.
14. *Милитарев А.* О содержании термина «диаспора» (постановка вопроса) // Диаспоры. 2004. № 3. С. 24–33.
15. *Strangio D., Pokrovskaja N. N., D'Ascenzo F.* History, creativity and innovation of the 'Italia' network. The case of Russia // Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018). Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.
16. *Мелконян Э.* Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 6–28.
17. *Абрамян Л.* Армения и диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 52–76.
18. *Дятлов В. И.* Армяне России: диаспоральные стратегии интеграции // 21-й век. 2007. № 2 (6). С. 60–70.
19. *Дятлов В. И.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–138.
20. *Reis M.* Theorizing Diaspora: Prospectives on "Classical" and "Contemporary" Diaspora // International Migration. 2004. Vol. 42. No. 2. P. 41–60.
21. *Слободской А. Л., Покровская Н. Н.* Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. Социология культуры: опыт и новые

- парадигмы // VI Санкт-Петербургские социологические чтения: Междунар. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2015. С. 158–169.
22. *Sheffer G.* Transnationalism and Ethnonational Diasporism // *Diaspora*. 2006. Vol. 15. No. 1. P. 121–145.
23. *Sheffer G.* A New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics // *Modern Diasporas in International Politics* / ed. Gabriel Sheffer. London: Croom Helm, 1986. P. 1–15.
24. *Butler K. D.* Defining diaspora, refining a discourse // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2001. Vol. 10. No. 2. P. 189–219.
25. *Pokrovskaya N., Margulyan Y.* Social regulations mechanisms in the post-modern changing world // *GISAP: Economics, Jurisprudence and Management*. 2014. Vol. 5. P. 6–8.
26. *Keck M., Sikkink K.* Transnational Advocacy Networks in International and Regional Politics. Oxford, UK: Blackwell Publishers, UNESCO, 1999. P. 89–101.
27. *Tölölyan K.* Restoring the Logic of the Sedentary to Diaspora Studies // W. Berthomière, G. Sheffer, L. Anteby. 2000 ans de diasporas. Rennes: Presses Universitaire de Rennes, 2000. P. 137–148.
28. *Gold S. J.* From Nationality to Peoplehood: Adaptation and Identity Formation in the Israeli Diaspora // *Diaspora*. 2004. Vol. 13. No. 2/3. P. 331–358.
29. *Adamson F. B., Demetriou M.* Remapping the Boundaries of 'State' and 'National Identity: Incorporating Diasporas into IR Theorizing // *European Journal of International Relations*. 2007. Vol. 13. No. 4. P. 489–526.
30. *Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б.* Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний // *Социология и право*. 2020. № 2 (48). С. 27–37. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37
31. *Anderson B.* The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia and the World. London: Verso, 1998. 368 p.
32. *Wei F., Alushev R. S., Pokrovskaya N. N.* Global harmonization of tax regulation within digital economy of knowledge: textbook. St-Petersburg: SSUE, 2019. 79 p.
33. *Яковлев М. М., Покровская Н. Н.* Международное налогообложение и регулирование: учебник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 129 с.
34. *Banerjee S.* Empire, the Indian Diaspora and the Place of the Universal // *Diaspora*. 2006. Vol. 15. No. 1. P. 147–166.
35. *Попков В.* «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // *Диаспоры*. 2002. № 1. С. 6–22.
36. *Покровская Н. Н.* Новая экономическая архитектура в посткризисном мире: развитие регулятивных моделей // *Социология и право*. 2012. № 1. С. 20–33.
37. *Янущи О. А.* «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 19. С. 173–175.
38. *Бахшян А. Ж., Покровская Н. Н., Оганян К. М., Саакян А. К.* Ценностные ориентации в трудовом поведении и кросс-культурное исследование трудовой миграции. Ереван: Эдит Принт, 2012. 372 с.
39. *Basu S.* Diasporas transforming homelands: nuancing «collective remittance» practices in rural Gujarat // *Economic Political Weekly*. 2016. № 51 (41). P. 54–62.
40. *Фэн В., Покровская Н. Н., Чуньчан Х.* Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // *Человек и Труд*. 2007. № 8. С. 80–87.
41. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н.* Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // *Регионология*. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763
42. *Пруэль Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н.* Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // *Регионология*. 2020. № 1 (110). С. 133–158.
43. *Florida R.* The globalization of R&D: Results of a survey of foreign-affiliated R&D laboratories in the USA // *Research Policy*. 1997. Vol. 26. P. 85–103.
44. *Авакова Э. Б., Покровская Н. Н.* Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // *Роль интеллектуального капитала в экономической,*

- социальной и правовой культуре XXI века: сб. науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. С. 419–426.
45. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Подходы к изучению российско-итальянской интеллектуальной миграции // Актуальные проблемы социологии и управления межвузовский сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 27–35.
46. Kurtishi-Kastrati S., Ramadan V., Dana L. P., Ratten V. Do foreign direct investments accelerate economic growth? The case of the republic of Macedonia // International Journal of Competitiveness. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 71–98. DOI: 10.1504/IJC.2016.075903
47. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2021).
48. Бурова Н. В., Кущева Н. Б., Перрен-Бенсаэль Л., Покровская Н. Н. Влияние межкультурных и гендерных исследований на экономический рост: монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. 128 с.
49. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.
50. Pokrovskaya N. N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // Proceedings of 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements. Saint-Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017. P. 709–712.
51. Geographic Mobility in the European Union: Optimising its Economic and Social Benefits // IZA Research Report. 2008. No. 19. 159 p.
52. Покровская Н. Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100–110.
53. Faist Th. The Volumes and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Oxford University Press, 2000. 380 p.
54. Саакян А. К., Покровская Н. Н. Методологические подходы к анализу влияния денежно-кредитных и валютно-финансовых отношений на миграционную динамику // Сб. науч. ст. Гаварского государственного университета. № 3. Гавар (Армения): Гайкарли, 2017. С. 258–270.
55. Безбородова Т. М. К вопросу о социально-экономической природе миграции трудовых ресурсов в Россию из стран ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 76–80.
56. Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А. Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.
57. Pokrovskaya N. N. Leisure and Entertainment as a Creative Space-Time Manifold in a Post-Modern World // Handbook of Research on the Impact of Culture and Society on the Entertainment Industry / ed. R. G. Ozturk. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 21–38. DOI: 10.4018/978-1-4666-6190-5
58. Джамангулов К. Э. Международная трудовая миграция на постсоветском пространстве: дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2007. 210 с.
59. Golohvastov D. V., Snisarenko S. O., Pokrovskaya N. N. Institutional Confidence and Economic Intelligence for the Performance at Macro and Micro Networks // Proceedings of The 4th International Conference on Management, Leadership and Governance ICMLG 2016 Host. Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2016. С. 255–263.
60. Sjaadstad L. The costs and returns of human migration // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. Part 2: Investment in Human Beings. P. 80–93.
61. Chen Y.-W., Racine E., Collins N. Gone but not forgotten: the (re-) making of diaspora strategies // Asian Ethnicity. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 371–379.

Контактные данные:

Снисаренко С. О.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
(812) 575-11-30; e-mail: sos60@inbox.ru.

Айрапетян Э. М.: 0054, Ереван, Республика Армения, Давиташен,
4 квартал, ул. А. Микояна, д. 109/8; (374) 99-299-942;
e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru.

Хашковский А. В.: 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, д. 48;
(812) 312-44-92; e-mail: achao@yandex.ru.

Contact Details:

Snisarenko S. O.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia;
(812) 575-11-30; e-mail: sos60@inbox.ru.

Hayrapetyan E. M.: 109/8 A, Mikoyan Str, 4th Block of Davitashen, Erevan,
Republic of Armenia, 0054; (374) 99-299-942; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru.

Khashkovsky A. V.: 48, Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russia;
(812) 312-44-92; e-mail: achao@yandex.ru.